

Леонид Юзефович

Леонид Юзефович

ДОМ СВИДАНИЙ

Роман

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

ОТ АВТОРА

Первый роман о сыщике Иване Дмитриевиче Путилине я закончил в 1985 году. Поначалу он назывался «Ситуация на Балканах», потом — «Триумф Венеры», теперь — «Костюм Арлекина». Названия менялись не по моему желанию, а потому что издатели, перед которыми я тогда был абсолютно бесправен, хотели сделать вид, будто это издание — первое.

Написанному семью годами позднее второму роману из этой серии повезло больше: он сменил название всего однажды — был «Знак семи звезд», стал «Дом свиданий». Я считаю его лучшим из моих романов о Путилине, хотя он написан не по зову души, а по заказу владельца фирмы, торговавшей импортным женским бельем, — параллельно со своим основным бизнесом этот оптовик решил заняться книгоизданием. Легенда о баснословной прибыльности издательского дела в то время еще не померкла и поддерживалась воспоминаниями о недавнем книжном дефиците, когда томик какого-нибудь болгарского или венгерского детектива на черном рынке ценился раз в десять дороже, чем значилось у него на задней стороне обложки. В писательской среде была популярна байка о некоем американском издателе, который спросил своих

советских коллег: «Почему вы не допечатываете тираж книги, если она пользуется спросом?» — «Потому что не хватает бумаги», — ответили ему. «Не хватает бумаги печатать деньги?» — удивился американец. Казалось, теперь все должны признать безупречность этой логики, но после 1991 года она почему-то перестала действовать.

Я был автором нескольких приключенческих повестей, и к торговцу бельем меня направил товарищ по ремеслу. В СССР сочинители детективов считались низшей кастой литературного мира и, как все отверженные, привыкли помогать друг другу. Звездный час королей и, особенно, королев этого жанра был впереди. На троне сидел Борис Николаевич Ельцин, однажды, забыв про Бориса Годунова, в шутку назвавший себя Борисом Первым, но я, сорокапятилетний оболтус, до сих пор считавшийся молодым писателем, еще не расстался с иллюзией, что в прекрасном новом мире смогу зарабатывать на жизнь пером.

Будущий издатель лучился доброжелательством, говорил о своей любви к литературе и рассказал мне притчу о том, как кто-то спускается в колодезь, чтобы на дне найти истину, но кому-то приходится стоять наверху и держать веревку, страхуя храбреца. Первому достаются аплодисменты публики, второй скромно остается в тени. Под искателем истины подразумевался я, под страховщиком — он.

Его секретарша тут же составила договор. Аванса мне не полагалось, зато за готовый роман я должен был получить 2000 долларов — сумасшедшие по тем временам деньги. Ничего иного, кроме как довериться этому обещанию, мне не оставалось. Я уже перестал быть школьным учителем истории, а зарплата моей жены Наташи, преподававшей в музыкальной школе, при тогдашней инфляции стремилась к нулю.

Ни одна из моих книг не писалась так быстро, как эта, хотя я тогда работал не на компьютере, а на машинке. Я настучал роман за три летних месяца 1992 года.

Действие романа происходило в конце 1860-х, но время, когда я трудился над ним, просочилось на его страницы. Только тогда, ностальгически оглядываясь на прошлое, мой герой мог сказать, например, следующее: «Эпоха подобна женщине, с которой живешь: чтобы оценить ее по достоинству, нужно расстаться с ней навеки».

В договоре указывался точный срок представления рукописи — 1 сентября, и оговаривались серьезные штрафные санкции за каждый просроченный день, но к концу августа, когда я поставил последнюю точку, держатель веревки перестал отвечать на мои звонки. Разыскать его в обезлюдевшем НИИ на Войковской, где он арендовал под офис и склад три заставленные картонными коробками комнаты, мне тоже не удалось. Он навсегда исчез из моей жизни вместе с бюстгальтерами, колготками, трусиками и кружевными шелковыми комбинациями, которые в то время были уже не обязательным, но еще вполне обыкновенным элементом интимного женского костюма.

А роман — остался.

ПРОЛОГ

На следующий день оба не могли вспомнить, с чего началось, но после ужина почему-то заговорили о женщинах.

— В годы моей юности, — сказал Иван Дмитриевич, привычно заплетая в косицу правую бакенбарду, — женская хитрость вовсе не считалась пороком. Некоторые даже относили ее к числу свойственных прекрасному полу добродетелей. В конце концов, что есть добродетель, как не следование законам естества? Представьте себе, что лиса оставит в покое зайчишек и станет питаться ивовой корой; сможем ли мы тогда назвать ее добродетельной? По-моему, грешно изменять собственной природе. Не знаю, как сейчас, но в мое время это понимали. Помню, один приятель рассказывал мне про свою жену. Задолго до свадьбы утратив невинность, она утаила потерю от жениха и устроила так, что их первая брачная ночь совпала с первым днем ее месячных очищений. А приятель мой в таких делах был сущий младенец. Кровь пролилась, гордый супруг счел невесту девственницей, однако позднее каким-то образом обман раскрылся. И что думаете? Думаете, муж был оскорблен, возмущен, ударился в запой, выгнал жену из дому? Да ничего подобного! После разоблачения он проникся к обманщице таким

искренним уважением, что смело доверял ей все финансовые дела семьи и вообще видел в ней чуть ли не Одиссея в юбке. Вам кажется, это недостойно мужчины? Помилуйте, когда я был в вашем возрасте, никто из настоящих мужчин не почитал позором для себя быть обманутым женщиной. Только ребенок не знает, что огонь жжется, а собаки кусаются. Мужчина вступает в поединок со стихией, отлично понимая, что можно ее победить, можно заставить служить себе, но изменить нельзя.

— Вы женофоб? — спросил Ивана Дмитриевича его собеседник.

— Ну что вы! Я лишь принимаю женщин такими, какими их создал Господь Бог, и не сомневаюсь ни в целесообразности Его замысла, ни в качестве исполнения. А вы, нынешние молодые люди, в Бога не веруете, потому и сотворили себе кумира из женщины. Все вы, конечно, прогрессисты, ниспровергатели, в церковь не ходите, но ведь и к проституткам тоже. Под красный фонарь ни ногой! Ваше поколение запугано статьями о последствиях венерических болезней, содержанки вам не по карману, а если изредка спите с какой-нибудь курсисткой, то, разумеется, видите в ней прежде всего личность. Какие уж тут экстазы! Немного воздержания при избытке воображения и недостатке религиозности — и дамская юбка уже кажется священным покровом, скрывающим под собой божественные бездны. Атеизм, страх сифилиса и поклонение женщине всегда идут рука об руку.

Собеседником Ивана Дмитриевича Путилина — недавно вышедшего в отставку легендарного начальника петербургской сыскной полиции — был второразрядный столичный литератор Сафронов. Лысоватый блондин, вежливый и аккуратный, он пребывал в том возрасте, который только человеку, одной ногой стоящему в могиле, может показаться возрастом ниспровержения основ.

— Но Ева была создана не из глины, как Адам, а из его ребра, — возразил Сафронов. — То есть из материи уже очищенной. Не обязательно быть атеистом, чтобы признавать венцом творения именно женщину.

Иван Дмитриевич улыбнулся:

— Оставим этот спор богословам. Лучше я расскажу вам одну историю.

На столе перед Сафроновым лежала тетрадь, он тут же раскрыл ее и приготовился записывать, спросив:

— В каком году это было?

— На что вам?

— Но вы же сами просили, чтобы в книге я разместил все ваши истории не в том порядке, в каком вы их мне рассказываете, а в хронологическом, — ответил Сафронов не без раздражения, поскольку вопрос о датировке того или иного преступления вставал уже не однажды и всякий раз возникала какая-то путаница.

Он приехал к Ивану Дмитриевичу, чтобы по его рассказам и от его имени написать книгу воспоминаний. Сошлись на следующих условиях: герою — две трети будущего гонорара, автору — треть. Поначалу заикнувшись о равных долях, Сафронов сразу же уступил, едва ему было сказано, что в таком случае найдется перо и подешевле.

Незадолго перед тем выйдя в отставку, Иван Дмитриевич с берегов Невы переселился на берег Волхова. Двумя или тремя годами раньше, потратив все свои сбережения, он купил в Новгородской губернии старый помещичий дом, деревянный, построенный еще при Аракчееве и с тех пор не отремонтированный, зато с верандой и чудесным яблоневым садом. Здесь Иван Дмитриевич доживал последние месяцы, отпущенные ему судьбой. Сафронов прожил с ним три недели.

Нравы в поместье царили спартанские. Гостю постелили простыни с клопиными пятнами, от недоваренной

рыбы он страдал резами в желудке, от речной сырости мучился астмой, зато впоследствии ни разу не пожалел, что приехал, хотя эти три недели принес, как жертву на алтарь семейного благополучия. Денег не было, и жена заставила поехать. Литератору пришлось с болью в сердце оторваться от работы над собственным романом — аллегорическим повествованием из жизни обитателей кукольного городка, завоеванного сбежавшими от бродячего фокусника чудовищными дрессированными блохами. Этому роману Сафронов отдавал всю душу, впрочем, он так никогда и не был закончен, подобно всем прочим произведениям литератора объемом свыше двух печатных листов. Единственным исключением стали мемуары Ивана Дмитриевича. Сафронов рассчитывал, что воспоминания знаменитого сыщика будут пользоваться успехом, и не ошибся. Треть гонорара обернулась немалыми суммами, книжка выдержала несколько изданий, но сам Иван Дмитриевич умер раньше, чем вышло первое из них.

— Так в каком же году это случилось? — повторил Сафронов свой вопрос.

— Точно не скажу, но во времена моей молодости. Мне было примерно столько лет, сколько вам сейчас. Мой сын Ванечка уже умел читать, и у нас жил тогда ручной щегол Фомка. Забавнейшая была тварь...

За две недели Сафронов успел привыкнуть к тому, что, прежде чем начать рассказ о каком-нибудь особенно загадочном и кровавом преступлении, Иван Дмитриевич всегда предавался нежнейшим воспоминаниям о покойнице жене или обожаемом сыне.

— Если я дома что-нибудь писал, Фомка садился на бумагу и норовил склюнуть буквы, выходявшие из-под моего пера. Перо, должно быть, казалось ему клювом какой-то птицы, которая чем-то лакомится с листа. Бедный Фомка тоже хотел поживиться ее добычей.

Помню, когда его задрала кошка, я впервые, может быть, открылся перед сыном не самой лучшей стороной моего характера... Вам интересно?

— Еще бы! — деликатно подтвердил Сафронов.

Он уже знал, что за вечерним чаем на веранде Иван Дмитриевич становился слезлив, сентиментален и даже зачем-то рассказывал о таких преступлениях, которые не сумел раскрыть. Всё это для мемуаров было совершенно лишним, но Сафронов понимал: хотя лирическая влага разжижает сюжет, ее можно отжать из текста лишь вместе с кровью героя. Заметим в скобках, что так он в итоге и поступил.

— Знаете, я вбежал в комнату, увидел Ванечку с мертвым щеглом на руках и закричал: «Вот сволочь! Где она?» Он поднял на меня заплаканные, непонимающие глазенки: «Кто, папенька?» — «Кошка! Сейчас я ей».

Стыдно говорить, но так оно и было. Мой сын страдал, я же первым делом подумал о мести. Сначала я должен был покарать кошку, а уж после мог пожалеть плачущего Ванечку. Увы, — не без кокетства заключил Иван Дмитриевич, — мстительность присуща моей натуре... Что же вы не записываете?

— Это не пригодится, — сказал Сафронов. — К чему вам признаваться в собственной слабости?

— В слабости? Почему — в слабости? — оскорбился Иван Дмитриевич.

Он забыл, что сам только что подвергал критике эту черту своего характера.

— Вернее будет сказать, в бессилии.

— Еще того лучше!

— Но, Иван Дмитриевич, вы же состояли на государственной службе. Причем службе особого рода, призванной поддерживать справедливость в обществе.

— Состоял. Ну так и что?

— А то, что мстительность свойственна людям, которые не верят в силу закона. Кровная месть процветает на Кавказе, но не в Англии.

— Эх вас куда занесло от моего щегла, — сказал Иван Дмитриевич, откусывая сухарик всё еще крепкими зубами, а не размачивая его в стакане с чаем, как Сафронов.

— Я жду обещанной истории, — напомнил тот, — но хорошо, если бы вы несколькими чертами обрисовали эпоху, когда всё это случилось. Исторический фон, если позволите, раз уж я не смогу назвать точной даты.

— Фон роскошный, вы себе даже представить не можете, — вздохнул Иван Дмитриевич. — В то время под словом «политика» имелись в виду исключительно события вроде войны Мехмет-султана турецкого с Мехмет-пашой египетским, все газеты были одного направления, а о евреях вспоминали только в тех случаях, когда требовалось занять денег. О, — продолжал он, — это было чудесное время! В ваших летах вы еще не знаете, что эпоха подобна женщине, с которой живешь: чтобы оценить ее по достоинству, нужно расстаться с ней навеки.

Стояла ранняя осень 1893 года. За раскрытым окном веранды на деревьях уже поредела листва, и с речного обрыва открывалась такая даль, что от простора щемило сердце. Теплый воздух был тих и прозрачен. Время закатной старческой неги, утоленных желаний и последней в жизни безумной надежды на то, что этот покой продлится теперь до самой смерти.

— Я тогда был не начальником всей сыскальной полиции, — мечтательно сказал Иван Дмитриевич, — а квартальным надзирателем Спасской части...

Глава 1

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

1 В тот давнишний вечер они с сыном Ванечкой после ужина сидели на полу и забавлялись игрой, которую Иван Дмитриевич сам придумал и сам же, с помощью акварельных красок на меду, воплотил в реальность бумажного листа. Этой игре он придавал большое значение в деле воспитания сына. Через лист, извиваясь, как змея в предсмертных судорогах, тянулась дорога, во всю ее длину расчерченная нумерованными квадратами. В своих немислимых изгибах она проходила между различными соблазнами, подстерегающими на жизненном пути всякого человека, в особенности молодого. За первым поворотом путнику грозило НЕПОСЛУШАНИЕ СТАРШИХ, далее в определенной последовательности на него готовы были наброситься НЕВЕЖЕСТВО, ЛЕНЬ, МОТОВСТВО, ПЬЯНСТВО, СРЕБРОЛЮБИЕ и прочие пороки. Все они были нарисованы Иваном Дмитриевичем в виде гнусных субъектов преимущественно мужского пола, хотя попадались и женщины, и препакостные уродцы не то двуполые, не то вовсе бесполые.

Они с Ванечкой по очереди выкидывали кости, затем передвигали свои фишки на столько шагов, сколько вы-

пало зерен. Путь был опасен. Если фишка вставала на квадратик, отмеченный тенью какого-либо из пороков, то, смотря по его тяжести, приходилось пропускать ход или два, или даже возвращаться назад, чтобы искупить грех под сенью соответствующей добродетели. Они также встречались вдоль этой тернистой тропы, правда, не в таком изобилии, как соблазны. Их было меньше отчасти по соображениям воспитательного порядка, отчасти просто потому, что Ивану Дмитриевичу плохо удавались положительные персонажи. Как у многих авторов, отрицательные выходили у него гораздо выразительнее.

В конце пути победителя ждал нарисованный женой ангел. В руках он держал перевязанную лентой коробку, какие много лет спустя террористы приспособились кидать под кареты императоров, губернаторов, министров и обер-прокуроров Святейшего Синода. Что лежало внутри коробки, Иван Дмитриевич предпочитал не уточнять. Ее содержимое оставалось для Ванечки загадкой — лучшей гарантией от неизбежного при любом ответе разочарования.

Ванечка бросил кости и дрожащей ручонкой взялся за фишку. От огорчения у него отвисла губа. Он уже мысленно сосчитал ходы и предвидел, что ему теперь придется пропустить три хода. Его фишка должна была остановиться на желтом, как билет проститутки, квадратике, возле которого Иван Дмитриевич изобразил мерзкую патлатую бабищу — и написал огненными буквами: СЛАСТОЛЮБИЕ. Это, пожалуй, было самое опасное препятствие на пути к ангелу с бонбоньеркой. Почему так, Ванечка не в силах был понять. Лохматая толстая тетя в детской пелеринке казалась ему олицетворением преступной любви к шоколаду и малиновому варенью — страсти, конечно, роковой, но не настолько же, чтобы пропускать целых три хода.